

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Сергей КУЦ

ТЕМНАЯ МАГИЯ

Роман

Москва, 2020
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К88

Серия основана в 2004 году
Выпуск 718

Художник
С. А. Григорьев

Куц С. В.
К88 Темная магия: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 281 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-3082-6

Академия высокой магии в Локонтелоре — это все, о чем мечтала Эван, и ее чаяния сбылись. Она справилась с Испытанием, и теперь она студентка академии. Только исполнение мечтаний может принести и горечь и разочарование. Вместо постижения магии школы воздуха Эван стала ученицей темных магов, и это ужасно. Но гораздо страшней то, что просыпается внутри. Внутри Эван настоящее чудовище! А будущее... Лучше не знать, что ждет академию.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-3082-6
© Куц С. В., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

Глава 1

ИСПЫТАНИЕ

Академия высокой магии являлась скорее городом, чем замком. Для замка она была слишком внушительных размеров и необыкновенно богатым местом. Эван много раз слышала о невероятных сокровищах, которые за века собраны магами в подземных хранилищах Локонтелора, каковым было второе название академии, только до последнего не верила, что бастионы замка и в самом деле окажутся из голубого камня.

Но нет, вот они впереди — крепостные стены, облицованные камнем небесного цвета с прожилками облаков. Шпили многочисленных башен с шатровыми крышами будто пронзают высь, и на каждом из них, увенчанном флагштоком, в честь праздника бьется знамя одной из девяти школ академии.

Потрясающее зрелище! Невероятное!

Поскрипывающая, выдавшая виды двуколка с тихой кобылой в упряжке, которая везла в Локонтелор девушку и ее пожилого отца барона Огюста ди Рокка, все-таки успела в срок, пусть и дважды ломалась в дороге. Но они здесь! На третий день Восхождения. Праздника в честь Девяти богов, что раз в три года торжественно отмечают на всем Кольце! На три дня северный материк охватывают гулянья, когда за одним столом может оказаться и высокородный и простой бонд. Но самым главным в дни Восхождения являются вовсе не проповеди в храмах, пиршества и гуляния. По меньшей мере для Эван и тех десятков молодых людей, коих звали искорками, что устремлялись в эти дни в академию, и так каждые три года.

Три дня ворота Локонтелора открыты для всех, в ком белые маги обнаружили магическую искру и снарядили в дорогу с приметным орденом. Академия высокой магии оплачивает проезд в Локонтелор всем искоркам из любого медвежьего угла Кольца, коль нет серебра на дорогу.

Горе тем искоркам, кто сбежит либо откажется от Испытания в академии. Тогда или безумство, если сумеешь скрыться от стражи и магов, или выжигание, что, по мнению Эван, намного страшнее участи обезумевшего мага. Впрочем, выжигание ждет и тех, у кого приемный совет академии сочтет искру магии слишком слабой... При этой мысли девушка вздрогнула.

Но несмотря на страхи, Локонтелор манил Эван, сколь она себя помнила. Младшая дочь почти полностью разорившегося барона всегда мечтала стать чародейкой, и дело вовсе не в желании вырваться из бедности, которую несчастный Огюст ди Рокк так и не смог одолеть. Как выяснилось, на четырех войнах с армиями нелюдей и магами-чернокнижниками южного Полумесяца молодому тогда еще барону было гораздо легче, чем управляться с родовым замком и владениями в мирное время. Кабы не щедрость академии, у Огюста ди Рокка не нашлось бы денег, чтобы снарядить поездку в Локонтелор.

Несмотря на теплую пору последних весенних дней, девушка вновь вздрогнула. Без серебра магов ее ждало бы... безумие или выжигание.

— Как хорошо, что мы успели! — произнес барон, правивший лошадей. Его усы топорщились, глаза сверкали от воодушевления. — Говорил же тебе, что поспеем. Две седмицы, но мы здесь!

Седой барон ликовал! Старик знал о мечте дочери и помыслах, что полностью завладели ею после того, как два года назад храмовый маг заметила в Эван искорку магии. Две долгие зимы до восемнадцатилетия, ожидание весны, дорога — и они таки добрались до Локонтелора в срок. Они не опоздали, и дочку не выжгут, коль бы она не прибыла в академию в один из дней Восхождения.

Эван грустно улыбнулась. Отец не желал слушать о том, что маги выжгут его любимую искорку и в случае, если та не пройдет Испытание. Наверное, это возраст. Ее старенький добродушный папенька... Но Эван благодарна отцу за то, что сопровождает ее в пути к Локонтелору. Огюст ди Рокк часто повторял в последнее время: дескать, двух старших дочерей пристроил, удачно выдав замуж. Осталась младшенькая, последняя, но ей-то уготовано высокое волшебство!

Ах, милый папа... Хоть бы он был прав! Как же она хочет справиться с Испытанием! Выжигание для Эван все одно что смерть. Но — не думать о том! Не сметь! Она сдюжит!

Эван ди Рокк решительно откинула пораженческие думы. Отец говорил, что ее настрой должен быть боевым. Она справится с Испытанием! Девушка вновь улыбнулась, на сей раз их первой с отцом виктории. Они все же добрались до академии. Какое же счастье, что они здесь!

Несмотря на ранний час, дорога к Локонтелору уже полна путников. Повозки, двуколки, даже несколько настоящих карет и пешие. В дни Восхождения границы между сословиями истончаются — высокородные, из купечества и простолюдины двигались по одной дороге, вместе богатые и беднота. Пред каретой графа или даже герцога мог спокойно шествовать бонд, и никто не огревал его плетью, чтобы уступил проезд высокородному.

Много-много людей, сотни зевак с окрестных земель и даже из дальних королевств Кольца спешили воочию узреть Испытание и представления магов после окончания оногo; и конечно же среди стекающихся к стенам академии были искорки и сопровождающие их.

Справа вдоль дороги вот уже много миль тянулась ухоженная роща, слева — поля с зелеными всходами. Дорога спускалась к замку с пологого и вытянутого возвышения. В миле от Локонтелора она упиралась в перекресток. Два уходящих в противоположные стороны ответвления тракта отрезали возделанные угодья и рощу от просторного луга пред голубыми стенами Академии высокой магии. У распахнутых главных ворот, возле оборонительного рва, был сооружен невысокий помост, увешанный флагами и цветными полотнищами девяти школ академии. Рядом, слева и справа, стояли два огромных белых шатра. Цепь стражников с алебардами держала перед помостом открытое пространство — здесь и проведут третий день Испытания. Людей перед стражниками уже преизрядно, но стоят еще не слишком плотно.

Подумав об Испытании, девушка глубоко вздохнула. Она волнуется и страшно трусит. По коже бегут мурашки при одной лишь мысли, что ее судьба вот-вот определится. Она в шаге от мечты и, надо признать, в шаге и от участи быть выжженной. Чего бояться! В любом случае жизнь не заканчивается, но как жить без искры?..

Дура! Прекрати думать о плохом!

Эван рассердилась на саму себя. Прочь все черное из головы! Джосия, их храмовый маг, напутствуя в дорогу, говорила о

чистых помыслах и открытой душе в час Испытания. Оно уже близко!

Двуколка остановилась у двух деревянных столбов с искусной резьбой, вросших в землю по обе стороны от тракта. Здесь стояли два десятка стражников — тяжелая пехота с мечами и арбалетами, в голубых плащах Локонтелора, а еще два ликтора. Те, по обыкновению, были налегке, лишь по случаю Испытания и торжеств Восхождения облачились в цвета школа магов, с которыми были связаны: оранжевый и белый.

Старший над стражниками опрашивал всех прибывающих к стенам академии:

— Что у вас, почтенные?

— Десятник! — Оказавшись рядом с латниками, старый барон подтянулся, напомнив себя прежнего, молодого ветерана четырех войн с Полумесяцем. — У нас приметный ордер! Моя дочь — искорка! Мы прибыли на Испытание.

Барон с гордостью известил всех, кто был рядом — стражу, ликторов и зевак на дороге позади потрепанной двуколки, что его девочка — будущий маг! Эван мнилось, что старший стражник сейчас ухмыльнется: мол, видали мы таких, кто потом уходит несолоно хлебавши выжженный. Однако бородастый десятник, чьи годы немногим уступали возрасту отца, оставался предельно серьезен.

— Добро пожаловать, герр...

— Огюст ди Рокк!

— Добро пожаловать в Локонтелор, герр Огюст! От имени Академии высокой магии приветствую вас и вашу дочь! Фрейлейн проводят в шатер для искорок, а вы, сударь, можете поставить двуколку вон на той площадке и присоединиться к зрителям.

Барон церемонно поклонился, ему удалось сделать это, не покидая своего места, а затаившая дыхание Эван приняла протянутую руку десятника. Начинается!

— Фрейлейн! Прошу вас! Все вещи оставьте в двуколке. С вами должен быть только приметный ордер.

Ох, как же она волнуется! Эван послушно кивнула и отложила было схваченный узелок с немногочисленными пожитками.

— Пусть хранят тебя боги. — Барон коснулся плеча дочери. — Иди! Я буду рядом!

Вновь кивнув, Эван взяла запечатанное белым магом письмо и покинула двухколесную повозку. Рядом появился слуга, который по указанию десятника повел искорку к помосту и шатрам. Они ступали вдоль еще одного ряда стражников Локонтелора, что отделяли левый край тракта от правого, за которым с рассвета скапливалась огромная гудящая толпа: люди всех сословий и званий, знать вперемешку с худородными. Даже короли Кольца, будь они здесь, стояли бы в общей толчее, но потому их тут и не видели очень давно.

А Эван не замечала почти ничего, даже стен величественного замка. Лишь пустующий пока помост да два белых шатра. Слуга привел в правый.

— Фрау Одель, — слуга склонился перед женщиной, облаченной в белое, по цвету школы, — еще одна искорка.

— Ступай.

Эван пораженно смотрела на высокую женщину с немолодым лицом и седыми волосами, уложенными в изысканную прическу с серебряной диадемой. Сколько же ей лет? Магия оберегает женщин от старения на протяжении почти двух столетий жизни!

— Назови свое имя, дитя.

Девушка присела в реверансе, почтительно склонив голову и потупив очи долу.

— Эван ди Рокк, — ответила она. — Из высокородных. Дочь барона Огюста ди Рокка. Мы из Восточного королевства.

— Сколько тебе лет?

— Восемнадцать, фрау Одель.

— Подними взор и передай мне ордер.

Одель ди Никоста распечатала ножом письмо и, бегло изучив, принялась что-то вносить в тетрадь на тумбе для письма, что стояла подле белой волшебницы.

— Теперь отойди от входа и жди вместе со всеми, — не глядя на искорку, велела маг.

В шатре было уже две дюжины претендентов на учебу в Академии высокой магии. Парней и девушек — одинаковое число. Пятеро высокородных, они столпились вместе. Негромко переговаривались и шутили, высокомерно посматривая на простолюдинов. Другие искорки тоже держались кучкой, дети купцов и бондов, только больше молчали.

Эван направилась было к высокородным, но, поймав чей-то презрительный взгляд, замерла, сделав лишь два шага. Скром-

ное, под цвет глаз, зеленое платье дочери разорившегося барона впору купеческой дочке или даже девушке из семьи зажиточного бонда. Но и среди худородных Эван ди Рокк окажется не в своей тарелке

— Я...

Эван осеклась, заметив еще несколько насмешливых взоров со стороны высокородных, там даже засмеялись. Девушка хотела подойти к ним и произнести, что полагается по этикету среди высокого сословия. Но нет! Ее там не ждут! Бедность для них — это порок.

Опустив взор, покрасневшая от стыда, Эван отошла в угол парусинового шатра, подальше и от высокородных и от худородных. В просторном сооружении места хватало.

Ничего! Она здесь не ради высокомерных рож сверстников. Ее цель — стать магом, а маг повыше всех будет, разве что кроме королей; и бедными маги не бывают никогда. Скоро и с нищетой она покончит!

Эван успокаивала себя и с удивлением обнаружила, что обида внутри нее быстро тает. Чужие насмешки не важны, коль мечта всей жизни так близка. Девушка ждала, когда же начнется Испытание, и от волнения потеряла счет времени. Она не помнила, сколько прождала в шатре для искорок, не слышала и не видела почти ничего. Только заприметила, как в шатер несколько раз приводили еще претендентов на обучение высокой магии — две девушки из дочерей бондов, один прыщавый парень из купеческого сословия и еще две высокородные девицы.

А потом... их начали приглашать на Испытание. По одному. Фрау Одель вдруг громко произносила чье-то имя, и кто-то из высокородных или простолюдинов удалялся вслед за появившимся слугой...

— Эван ди Рокк!

Встрепенувшись, Эван вдруг поняла, что ее имя звучит в устах белой волшебницы со строгим взглядом уже во второй раз.

— Да, фрау Одель. — Побледнев, девушка присела в реверансе.

— Твой черед, — произнесла белый маг и опустила взгляд в тетрадь, — не заставляй приемный совет ждать.

Эван едва не взвизгнула от испуга, но совладала с чувствами и, не глядя ни на кого, кроме провожатого, поспешила на Испытание. Первое, что она увидела, покинув шатер, была ог-

ромная толпа, словно море, и тысячи глаз уставились на искорку. Девушку затрясло, ноги едва не подкосились. Эван упала бы в обморок, только спасла мысль, что где-то там смотрит на любимую дочку и ее отец, и она не может его подвести.

А потом взор упал на помост, где восседал приемный совет — девять магов в цветах своих школ. Ночь, день и радуга — так нарекли в народе эти цвета. Старец в белой мантии магов-жрецов, дипломатов и советников сильных мира сего. Задумчивый муж в фиолетовых одеяниях боевой гильдии. Маг воздуха в голубом, маг школы земли в зеленом. Две волшебницы — водной стихии в синем и огня в оранжевом. Маг-целитель в желтом. Некромант в черном плаще, камзоле и такого же цвета штанах и сапогах, будто в дальнюю дорогу собрался.

Последнее кресло на помосте занимала темный маг в огненно-красном платье цвета своей школы с глубоким вызывающим вырезом, являвшим чужим взорам прекрасную грудь. Черная накидка-капюшон, какие предписывалось носить всем темным магам на людях, наполовину скрывала лицо и черные волосы волшебницы в красном платье.

Оторопь берет при одном только помысле о темной школе. Стать темным магом — хуже, чем быть выжженной. Эван вздрогнула. Подумать только! Даже для нее есть нечто худшее, чем погасшая искра магии!

Но прочь темные мысли о темной школе! Быть чистой помыслами в душе своей! Так говорила фрау Джосия! Эван затаила дыхание, и вправду забывая о представительнице самой странной... нет! — ужасной школы академии. Потому что слуга привел ее к тому, чье имя знал, пожалуй, каждый на всем Кольце.

Ректор Академии высокой магии Хальдегар ди Дероссон. Он был высок, статен, с открытым, гладко выбритым лицом. Светлые волосы тронуты на висках сединой. Ректор одет в серую мантию, на груди вышиты девять полос — цвета всех школ академии. На плечах лежит ярко сверкающая на солнце золотая цепь с орденом в виде девятилучевой серебряной звезды — символ ректорского звания. А по давней традиции, ректор опирался на позолоченный посох, увенчанный изумрудом Королей — самым большим драгоценным камнем, какой только известен на белом свете.

Взгляд волшебника с участием смотрел на очередную представшую пред ним искорку.

— Твое имя Эван ди Рокк? — произнес он.

— Да, мессир, — пропищала Эван, присев в глубоком реверансе и почтительно склонив голову. Она не забыла обращение, каким должно было именоваться ректора. Мессир. Именно так, как напутствовала фрау Джосия.

— Откуда ты? — Говорил мессир Хальдегар негромко, но магия позволяла слышать его каждому, кто следил сейчас за происходящим перед приемным советом.

— Из Восточного королевства. Дочь барона Огюста ди Рокка.

Слова Эван также были слышны всем, и девушка, понимая это, ощутила новый приступ страха. Только бы пройти Испытание! Только бы не подвести отца!

— Какая школа указана в твоём приметном ордере? — Ректор пристально смотрел в зеленые глаза искорки. В этой девушке определенно есть магия, ее искра очень сильна. — Магом какой школы ты хочешь стать?

— Воздуха... — пролепетала Эван. Какая же она отчаянная трусиха!

— Что ж. Прошу, *abitorus eus*. — Театрально взмахнув рукой, ректор академии указал на приемный совет. — Покажи, чему научил тебя твой первый наставник.

Глубоко вздохнув, Эван сделала один шаг к помосту. Девять пронзающих взоров; казалось, безмолвные маги видят ее насквозь. Зачем Испытание, когда эти взгляды уже прознали про Эван все?

Но нет! Нельзя так! Они не могут прочесть ни мысли, ни душу. Не в силах увидеть насколько по-настоящему слаба или сильна искра магии в ней, пока девушка не проявит себя. Так учила фрау Джосия. Белый маг говорила: представь, как потоки воздуха потянулись к тебе, как закружился над головой невидимый вихрь, как он втягивается в тебя, делясь безграничной силой неба...

Эван представила. Закрыв глаза, она словно видела все проговоренное наяву. Вскинув широко разведенные руки, Эван подняла к небу лицо. Почувствовала дуновение ветра, ласковое его прикосновение к щеке; и сейчас совсем не смутил усилившийся многоголосый гул толпы, жаждущей представления. Исчезла боязнь огорчить отца. Все не важно! Лишь магия!

Блаженство! Близость к волшебству превращала девушку в самое счастливое существо на свете! Это радость — ощущать, как сила ветра проникает в тебя. Как же ей не хватало этой силы, этого свежего воздуха! Эван могла прикасаться к магии только под присмотром фрау Джосии. Иное — это преступление, и она не желала даже помыслов о том, что могло бы подвергнуть риску Испытание. Она удерживала себя от магии.

И как же она раньше жила до того дня, когда белый маг увидела и разожгла в девушке искорку! Без этой силы, без магии у Эван судьбы больше нет! Ее не выжгут! Она пройдет Испытание! Она непременно станет магом воздуха!

Открыв глаза, Эван уставилась в одну точку на небе меж своих ладоней и начала медленно сводить их друг к другу, словно сгоняя силу ветра в эту самую крохотную часть мироздания. Получилось! Сдержала в себе рвущийся наружу вопль ликования, но не справилась с торжествующей улыбкой. Эван смотрела на загоревшийся над ней ярко-белый огонек. Магия для Испытания.

Вот он светит все ярче и ярче и увеличивается, скоро достигнет размера ее кулака. Но что... Улыбка сползла с лица девушки. Она запаниковала! Огонек! Ее шанс! Он замигал, погаснув на мгновение... Вновь горит! Мерцающая...

Легкость, что переполняла Эван, вдруг исчезла; вскинутые к небу руки налились тяжестью, струйка пота покатилась по виску. Огонек не должен погаснуть! Но он только мерцает, не возгораясь с прежней яркостью. Неужели провал?... Ее выжгут?... Нет! Она должна!

Тень, будто солнце ушло за тучу, легла на землю, а потом Эван ди Рокк узрела Тысячеглазого. самого старого, сильного и единственного во всем Кольце дракона! Черного дракона мессира ректора Академии высокой магии. Тысячеглазый, огромная тварь, пролетал над местом Испытания, прямо над Эван... и когда дракон почти минул столпотворение людей, отчаянно мигавший магический огонек вспыхнул на мгновение с прежней яркостью и исчез. Все... Мир зашатался и померк перед глазами искорки, не справившейся с Испытанием...

— Ты не можешь! Мессир ректор только что подтвердил, что сия девица изъявила желание стать магом воздуха!

Что? Что это? Эван часто-часто заморгала. Неужели она лишилась чувств? Да не на какой-то краткий миг, а на довольно продолжительное мгновение. Первое, что увидела искорка,

очнувшись, — это разгневанный декан школы воздуха, стоящий буквально в трех шагах от Эван. Указующий перст был направлен на искорку.

В нескольких футах от него застыл сумрачный мессир Хальдегар. Великий маг замер, опершись на посох, и всем своим видом демонстрировал нежелание вмешиваться в спор.

— Мое имя Калиссандра ди Каллис! И я, как архант темной силы и декан оной школы Академии высокой магии, заявляю права на эту искорку!

Только сейчас Эван поняла, кто поддерживал ее за руку, не позволив упасть. О-о-о! Декан темной школы!.. Девушка попыталась вырваться из крепкой хватки волшебницы в огненно-красном платье, но это было не легче, чем полевке сбежать из когтей ястреба. Пальцы мага сжались еще крепче.

От волшебницы пахло злостью и духами, и казалось, прикоснись к огненно-красному платью — и получишь ожог!

Толпа, которая собралась лицезреть чародейское представление, редела от восторга. Как же! Магики сейчас сцепятся меж собой! Стражники, опустив поперек тела алебарды, с трудом уже сдерживают людской напор. Мессир ректор бросил на толпу встревоженный взгляд. Если стража не справится, придется охолодить безумцев магией.

— Но три! Три за это Испытание! Да не абы каких! — Старец в белом тоже набросился на темную. Он вскочил со своего места и потешно затряс седой бородой.

Эван было бы смешно, коли не было так жутко. Девушка вновь попыталась высвободиться, но бесполезно: темная схватила поистине мертвой хваткой. Только бы волшебница не посмотрела на нее! Хвала милосердным богам! Та по-прежнему в своем глухом капюшоне. Если темная взглянет на Эван, то она точно лишится чувств! Искорка самым бесстыдным образом заскулила. Тихонько, отчаянно. Неужели она...

— Хоть бы и сотня, почтенный Назир! — Декан темной школы не думала сдаваться и высоко подняла левую ладонь. — Вы видите знак? Я заявляю права на эту искорку! Отныне она принадлежит моей школе!

— Довольно! — тоже не сдавался побуревший от гнева декан школы воздуха. — Вы забрали лучших из этого года! А в приметном ордере сей девицы указана голубая школа!

— Не лучших! Но только предрасположенных к темной магии! И я забираю их всех! Сколь бы таковых ни оказалось,

и как бы ни тускла была их искра. Как декан темной школы — я в своем праве! Вы знаете об этом, герр Мадуро и герр Назир, не хуже остальных! Мессир ректор?..

Хальдегар ди Дероссон прокашлялся, прежде чем ответить. Но возразить темной было нечего.

— Друзья! — воскликнул он, обращаясь к приемному совету. — Прошу успокоиться! Испытание далеко от завершения! Мы обязаны продолжить его! А многоуважаемая Калиссандра ди Каллис действительно в своем праве. Испытание открыло предрасположенность данной искорки к темной силе. Вы все видели это!

Декан школы воздуха затряс щеками, взмахнул просторными рукавами своего одеяния, но вскинутой вверх брови мессира Хальдегара оказалось достаточно, чтобы он так и не разразился новой гневной тирадой. Сколь бы ни было велико желание увидеть оную искорку в числе учениц школы воздуха.

— Поздравляю, дитя! — Мессир ректор положил руку на плечо Эван, которая была ни жива ни мертва от осознания, в чьи длани она попала. — Ты прошла Испытание. Отныне темная школа — твоя новая семья и дом!

— Спасибо, мессир... — Эван нашла в себе силы присесть в реверансе, благо волшебница в красном платье более не держала ее. Но не совладала с собой и с отчаянной безмолвной надеждой посмотрела на ректора.

Можно ли ее спасти?.. Отец! Он не переживет позора! Только бы он сейчас не бросился на стражу в голубых плащах, чтобы выручить любимую дочурку от участи, которая страшнее смерти для любого из благородных! Конечно, никто не упрекнет в открытую, но все будут шептаться за спиной: «Кем же это стала Эван ди Рокк!.. Ох, милосердные боги, куда же вы смотрели!..»

— Ступай, — ободряюще улыбнулся мессир ректор и, вздохнув — все же сия девица очень бы пригодилась для его родной школы воздуха — громогласно обратился к приемному совету и собравшейся толпе: — Мы продолжаем!

А Эван хотелось разрыдаться прямо здесь! Что, если быть выжженной — не столь уж и страшно?..

— Не бойся, — прошептала на ухо девушке фрау Калиссандра.

Эван резко отшатнулась от темного арханта. На радость толпе.

— Не бойся, — повторила маг. Капюшон открывал нижнюю часть лица волшебницы, она снисходительно улыбалась, — и следуй за моим ликтором.

Рядом уже стоял немолодой, но очень крепкий, не обрюзгший за десятки прожитых лет воин. В кожаной одежде для верховой езды. Темно-русые его волосы были чуть побелены у висков сединой, а левую щеку пересекал глубокий шрам.

— Прошу вас, фрейлейн, — ликтор галантным жестом пригласил девушку идти за собой.

И Эван ди Рокк пошла. Кляня себя за нерешительность, за трусость! Она не в силах отказать от магии! Пусть темной, какая предначертана теперь судьбой. Прости, отец. Простите, сестры. За бесчестье своей младшенькой и злые языки.

Калиссандра ди Каллис величаво ступала к своему креслу. Она торжествовала, а Эван шла за ликтором как на плаху. Что бы ни было, но она не взглянет на толпу. Лишь бы не встретиться взглядом с отцом...

Отныне Эван — темная! Отречься от магии — выше ее сил.

Глава 2 ДОМ ШКОЛЫ

Эван ступала словно в беспамятстве, не отдавая себе отчет, где она и что с ней. Она не помнила потом, как миновала ворота и большую площадь за ними, видела лишь спину ликтора и послушно ступала следом.

Девушка встрепенулась, сбросив с себя наваждение, лишь когда оставила позади три или четыре квартала. Широкая прямая улица, не чета кривым извилистым проулкам в Согборе, самом большом городе ее родного графства с одноименным названием; и в отличие от неказистых деревянных домов города из Восточного королевства здесь по обеим сторонам улицы высились роскошные особняки. Иначе не скажешь. Двух-, трех- и даже кое-где четырехэтажные каменные дома, всевозможного и порой чудного вида.

Почти в каждом из них на первом этаже располагались лавки. Глядя на товары, которые были выставлены в окнах либо выложены на уличных рядах, да на то, во что одеты торговцы, дочь скромного, едва ли не вконец разорившегося барона, ни-почем бы не решилась подойти и прицениться. Дабы не уб-

раться прочь, краснея от стыда, прознав стоимость, которую ей могли назвать. Местные купцы везли товар в Локонтелор не только со всего Кольца, но даже с Полумесяца и Дальних островов. А что? Золото и серебро у магов водились.

Улица шумна и многолюдна, и, кажется, вон тот господин, и этот, и та величественная дама — самые настоящие волшебники; и они, как и все люди, оказывается, могут прогуливаться по булыжной мостовой в поисках нужного им товара. Безусловно, очень дорогого и редкого.

Горестный вздох вырвался из груди Эван ди Рокк. О чем она думает? Зачем пытается обмануть себя? Мысли о дорогих вещах да волшебниках — лишь попытка увести черные думы о темной магии и оной же школе академии. Ее судьбе и одновременно бесчестью для рода. Как хорошо, что сестры вышли замуж задолго до сего дня... А отец? Прости, отец, дочь свою неразумную. Не в силах она отречься от магии, даже темной.

— Герр... простите, я не знаю, как вас звать...

Смутившаяся Эван обратилась к спине в кожаной куртке. Неприлично молоденькой фрейлейн, да и немолоденькой тоже, первой обращаться к незнакомому мужчине.

Ликтор, полуобернувшись, бросил на искорку быстрый взгляд. Против непонятно откуда взявшегося ожидания Эван, он не был хмур или чем-то рассержен. Наоборот, взгляд его оказался добр по отношению к ней.

— Меня зовут Патрик. Я ликтор Калиссандры ди Каллис, декана темной школы Академии высокой магии. По-простому говоря — телохранитель, страж. Ты, конечно, слышала о том, кто такие ликторы, раз направилась в Локонтелор?

— Конечно.

Эван непроизвольно вздрогнула, услышав название школы, в какую закинула ее злая судьба. Но дочь барона ди Рокка не вправе являть свою слабость на людях. Так учили ее с детства. Эван продолжила разговор с человеком, с которым, как и со всеми людьми из темной школы, предпочла бы никогда не знать.

— Простите, — вновь начала с извинений Эван, — но вы не назвали свой род. Могу ли я обращаться к вам только по имени?

— Разумеется. — Ликтор снова обернулся и на сей раз усмехнулся, будто вопросы юной особы изрядно забавляли его. — Коль тебе неведомо имя моего рода, то можешь звать меня просто герр Патрик. Да давай по-простому, без этих «выка-

ний». Я не из благородных, в детстве не привык, хоть нынче и ликтор.

— Спасибо, — сказала Эван, добавив: — Герр Патрик. Но я так не могу, вы же можете говорить как пожелаете.

— Как знаешь.

— Простите меня еще за один вопрос.

Вдруг показалось очень важным знать, почему этот ликтор не в цветах своей школы. Наверное, от раздирающего душу волнения, в голову искорки лезли совершенно пустые да ничемные соображения и вопросы.

Ликтор резко остановился, обернулся, а Эван от неожиданности едва не налетела на него. Герр Патрик, немолодой, крепкий мужчина, с лицом, будто вырезанным из камня, пересеченным шрамом, окинул взглядом искорку с головы до ног. Словно оценивал.

Молодая девушка покраснела, наверное, до кончиков пальцев. Репутация у темной школы — та еще.

— Что еще юная особа желает знать?

Искорка откровенно забавляла старого воина. Своей любознательностью и одновременно смущением и взволнованностью, которые трудно было не заметить. Только вот Эван мнилось, что ликтор чуть ли не насмехается над ней. Но не отступать же под каждым взглядом свысока!

— Почему вы не в цветах своей... школы.

Последнее слово далось девушке с превеликим трудом. Хотя не она ли про себя повторяла его и прочие, кои относились к академии, чуть ли не ежечасно во время путешествия к Локонтелору?

— Потому что темной школе дозволено немного больше, чем остальным. — Герр Патрик подмигнул девушке, отчего та залилась краской пуще прежнего.

— Но...

Эван не сдавалась. Зачем только она прицепилась со своими дурацкими расспросами к ликтору самого... самбй декана темной школы и арханта оной магии? И Эван знала ответ. Проверяла свою собственную смелость. Не стушуетса ли, не спрячется под плащ обреченности, кляня выбор Девяти. Будто играют ею боги! Но смертные сильны своей волей. Это ведомо каждому! Потому Эван ди Рокк не сломается, не будет сгорать от стыда, но станет волшебницей темной магии. Она сдюжит! Она не будет бояться и смущаться, по меньшей мере она будет стараться.

— Долго ли нам идти?

Эван не заметила, что, перед тем как снова открыть рот, глубоко вздохнула и быстро выдохнула, будто подгоняя свою решимость.

— Уже пришли.

Ликтор и искорка остановились у решетчатого забора из почерневшего железа высотой в человеческий рост. За ним были видны большой сад и здание в три этажа из белого и красного кирпича, увенчанное высоким шпилем с красным полотнищем на навершии. Поверх огненно-алой ткани был вышит черный василиск. Петушиная голова и лапы, змеиное тело с крыльями. Герб темных магов. У Эван мурашки побежали.

— Квартал темной школы, — пояснил герр Патрик. — Сейчас я передам вас капитану Ленару.

— Кто это?

— Капитан роты кондотьеров, которая нанята школой для охраны квартала и сопровождения магов с подручными вне стен Локонтелора.

— А вы? — Эван не смогла сдержать детский испуг в голосе.

Девушка не знала никого в городе волшебников, кроме герра Патрика. Хотя и с ним-то знакома всего ничего, однако же ликтор — это тот, кого она хоть как-то узнала. Что же теперь, снова одна?

— Я? — Герр Патрик пожал плечами. — Мне нужно вернуться к фрау Калиссандре. Но ты-то чего ступевалась?

— Ничего, — соврала Эван, — вам показалось.

— Ну, если так, — в очередной раз усмехнулся ликтор, — то ладно.

Кованые ворота с точно таким же василиском, который парил над кварталом школы темной магии, охранялись тремя мечниками. Облачены они были тоже в красные цвета школы — поверх камзолов у каждого короткий плащ, опускавшийся чуть ниже поясицы, с глубокими разрезами. Они начинались практически от плеча и образовывали по два лепестка над каждой рукой. Множество застежек позволяли сделать из них широкий рукав, но сейчас плащи были распушены. На груди все тот же черный василиск. Из доспехов Эван заметила только шлемы без забрала.

Когда ликтор и искорка приблизились, один из наемников открыл калитку слева от ворот, тоже изысканно выкованную, и почтительно поклонился.

— Где капитан Ленар? — требовательно спросил герр Патрик.

— Я здесь.

Откуда взялся предводитель кондотьеров, Эван не поняла. Вроде и не было никого, кроме трех мечников, а вот уже он здесь. Капитан Ленар был еще молод. Лет тридцать, не более. Высок и статен, не обрюзгший, с гладко выбритым красивым, даже несколько женственным из-за тонких черт лицом и черными глазами. Эван случайно поймала взгляд этих глаз, и впечатление о женственности сразу улетучилось. В них отчетливо читались воля, внутренняя сила и острый ум, а еще жесткость.

Одежда под стать прямым черным, как вороново крыло, волосам, опускавшимся до плеч. Тоже вся черная. Шляпа с широкими круглыми полями, сорочка, камзол, плащ, штаны и сапоги. Даже поясной ремень и ножны меча черные.

— Герр Джон.

— Герр Патрик, — капитан кондотьеров кивнул на приветствие ликтора.

Эван смотрела широко раскрытыми глазами на предводителя наемников. Она сейчас, наверное, выглядит как дура, и можно подумать, что поражена мужской красотой. Девушка поспешила отвести взгляд. Ее сразил вовсе не облик в самом деле привлекательного молодого мужчины, а то, что высокогородный предводительствует над кондотьерами. Это падение и бесчестье для рода. Отец, бывало, рассказывал о таких, кто связался с наемниками, и всегда вспоминал о них с презрением.

Но... Эван вдруг покраснела. Подумала, как глупо это все выглядит, и залилась еще более густой краской. Могло показаться, что провинциалка влюбилась с первого взгляда в красавца-капитана. Однако в действительности Эван всего лишь вспомнила о своей участи. Не ей, кому уготована темная школа, осуждать бесчестье этого высокогородного.

— Позвольте представить вам новую искорку, — ликтор показал на девушку, — Эван ди Рокк. Она будет ученицей фрау Калисандры.

— Нетрудно догадаться. — Скользнув равнодушным взглядом по девушке, капитан наемников остановил колкий взгляд на ликторе. — Сегодня именно декан восседает в приемном совете.

— Именно, — помрачнел герр Патрик. Очевидно, ликтор и капитан недолюбливали друг друга, а может, и враждова-

ли. — Проводите фрейлейн в ее комнату, а я вернусь к своей госпоже.

— Всенепременно, — со льдом в голосе сказал Ленар, — а вы передайте своей госпоже, что я жду ее.

— Обязательно, — сквозь зубы процедил герр Патрик.

Показав девушке жестом следовать за капитаном наемников, ликтор двинулся прочь.

Почему он и предводитель кондотьеров в коротком и недружелюбном разговоре напирала на слово «своей»? Будто не поделили фрау Калиссандру. Эван постаралась вновь не покраснеться.

— Сударыня, — Джон Ленар сдержанно поклонился, — прошу, следуйте за мной.

Девушка последовала. Шла тихо, словно мышка. За черным плащом и шляпой молчаливого Джона Ленара. Сад в квартале темной школы был ухожен и великолепен. Эван никогда ранее не видела столь причудливо стриженных кустов, из коих рука мастера сотворила всевозможных зверей. Аккуратно скошенная трава, множество разных ярких цветов. Все это требовало большого труда и множества слуг; и садовников встретилось изрядно.

Большое трехэтажное здание было сложено из кирпичей двух цветов. Белая и красная полосы попеременно сменяли друг друга, поднимаясь от фундамента до черепичной крыши. Углы дома заканчивались невысокими островерхими башенками, а из центра кровли поднималась еще одна, гораздо более массивная башня, ее-то и венчал заметный издалика шпиль с красным полотнищем и черным василиском на нем.

— Вы откуда будете, фрейлейн?

Эван вздрогнула: она не ожидала, что капитан наемников остановится и заговорит с ней.

— Из Восточного королевства, герр Джон.

— А я из Северного. Это нетрудно предположить из-за моего имени.

Девушке не показалось, что имя Джон какое-то особенное, всяких Джонов полно и в ее родных землях. Зато она заметила, сколь откровенно оценивающе смотрел на нее Ленар. Это просто неприлично! А еще высокородный! Хотя какой он теперь высокородный? Так, наемник без роду, без имени. Продается и покупается за серебро да золото.

Эван отвернулась, дабы не продолжать разговор. Притворилась, что ее очень заинтересовала работа вон того садовника... Очевидно, Ленар догадался, что перешагнул границу дозволенного.

— Простите, фрейлейн, — произнес он, чем несказанно удивил Эван.

Предводитель кондотьеров отвернулся, продолжив следование к дому темной школы, и девушка не смогла понять, искренен ли он либо играет в благородство. Испорченная у Лена-ра, наверное, душа. Нельзя ему доверять.

Когда добрались до распахнутых резных двустворчатых дверей, капитан наемников подозвал слугу, проходившего мимо входа, и велел отвести фрейлейн искорку в комнату для новых учениц. Он удалился, а у Эван захватило дух, и неясно даже от чего: то ли от роскоши отделанной красным мрамором большой залы с высокими окнами и прекрасными гобеленами, где маги поражали безумцев и чудовищ; то ли от осознания, что она не одна. Есть кто-то еще, кого приемный совет определил в темную школу. Может быть, вместе они легче переживут случившееся?

Слуга в красно-белой ливрее, тонкоголосый паренек с важной и оттого смешной физиономией, повел искорку на второй этаж, обставлен который был заметно скромнее, но все равно несоизмеримо богаче, чем родовой замок ди Рокков. Девушка шла по настоящему паркету, оштукатуренные белые стены украшены алыми драпировками с василиском и снова гобеленами да самыми настоящими портретами величественных дам. Волшебниц темной магии.

Свернули за угол и дошли до конца крыла. Слуга постучал в дверь, покрытую коричневым лаком.

— Прошу вас, фрейлейн, — сказал он, — входите.

Эван ди Рокк увидела просторную комнату с тремя кроватями у дальней стены от входа, три вплотную стоявших слева от девушки платяных шкафа, а напротив них у окна с кристально чистыми белоснежными занавесками — умывальник и самое настоящее зеркало в половину человеческого роста. Такого богатства в отцовском замке и не было никогда. Девушка произвольно поправила непослушные рыжие волосы.

Но, главное, Эван встретила двух других новых учениц темной школы. Двух своих сестер по несчастью, внешне совершенно разных. Кровать у окна занимала крепко сложенная вы-

сокая девица в мужском облачении. В штанах, широком поясе и льняной рубаше со шнуровкой спереди, чуть расстегнутой на большой крепкой груди. Шерстяная куртка была аккуратно сложена на сапоги, стоящие перед кроватью. Пепельно-белые волосы коротко по-мальчишески острижены. Совершенно непотребная даже для дочери бонда прическа, а одета будто с плеча какого-нибудь ремесленника. Взор Эван вернулся к прическе крепкой девицы. Очень необычный цвет волос, притом что кожа у нее смуглая, и, нельзя не признать, она по-своему красива. Сложив руки на груди, нахмурившись, высокая девица глядела в окно.

Вторая девушка, истинная красавица, с золотыми волосами и нитью жемчуга в них, олицетворяла всем своим обликом изящество и гордость. Одета она была в голубое платье, какое достойно только настоящих принцесс. Эван снова вспомнила отцовский замок: родовое гнездо в серебряных монетах, наверное, меньше стоит, чем наряд златовласой красавицы с большими голубыми глазами. Эван хоть и была одета пристойно, но за бедностью своей почувствовала себя чуть ли не голой перед куда более знатной и невероятно богатой сверстницей, которая также с невеселым выражением на лице сидела на кровати, разглядывая собственные ногти.

Две девицы к приходу Эван не разговаривали и старательно не замечали друг друга. Чуть ли кожей ощущалось повисшее здесь напряжение.

Растерявшись, Эван не знала, как приветствовать двух столь разных соседок по комнате. Как положено по этикету присесть в реверансе перед девушкой в голубом платье — как высокородная перед высокородной? А как быть с той, что в мужском наряде? Но фрау Джосия, их храмовый маг, наставляла, что все ученицы в школе будут равны, не говоря уже о магах.

Положение спасла золотоволосая девушка.

— Привет! — Она подняла на Эван взор, тепло улыбнувшись, и протянула руку. — Я принцесса Илвет ди Фрегга ди Раввалок. Дочь короля Сигмарского. Мой отец — Фроддон Первый.

Ого! Самая настоящая принцесса с южного обода Кольца! Далеко же отсюда до владений ее венценосного родителя...

— А я Тиамет. — Вторая девушка тоже улыбнулась в адрес Эван и метнула колющий взгляд на принцессу. — Можно просто Тиа, солдатская шлюха.

— Ты сама так назвалась!

Вот так так!.. Ответная улыбка сползла с лица Эван. Неожиданный прием. Как поступить?

— Девочки, — выдохнула новоприбывшая, — это моя кровать?

Эван указала на среднюю пустующую кровать и удостоилась двух кивков. Шагнув к ней, замерла, поняв, что забыла представиться.

— Я Эван ди Рокк, дочь барона Огюста ди Рокка из Восточного королевства, — произнесла новая искорка.

Она посмотрела на одну, потом на другую девицу, которые снова перестали замечать друг друга.

— Ну что вы?.. — Все еще растерянная Эван озвучила единственное, что сейчас было на уме. — Нам предстоит жить в этих четырех стенах долгое время, а вы уже готовы в волосы друг другу вцепиться.

Не самое лучшее начало знакомства со стороны Эван, но и обе ее соседки по комнате тоже хороши. Им бы вместе держаться, а не тарачиться друг на друга, словно разъяренные кошки.

Принцесса Илвет и Тиамет и не подумали о каком-нибудь примирении, и быть бы новой склоке с попыткой притянуть на свою сторону новоприбывшую, однако снаружи решительно и громко постучали.

— Фрейлейн Тиамет, фрейлейн Илвет, — в дверном проеме появилась дородная служанка в красном чепце и красно-белом переднике с вышитым черным василиском, — ваши наставницы ждут вас. Вы немедленно идете со мной, я провожу.

Принцесса вскинула бровь, но это ничуть не смутило служанку. Здесь, в школе, прислуга могла помыкать высокородными и даже дочерью короля.

— Скорей! Не то пожалеете, и достанется вовсе не от меня!

Пожав плечами, принцесса сотворила невозмутимое выражение лица и поднялась, чтобы идти за служанкой. Тиамет уже была на ногах и нарочито насмешливо косилась на высокородную.

— А я? — спросила Эван.

— Про вас ничего велено не было.

Эван осталась одна.

Глава 3

КАЛИССАНДРА ДИ КАЛЛИС

Эван сильно проголодалась. Живот сводит до боли, и хоть бы крошку какую проглотить, но нет ничего в комнате, в которой девушка осталась одна. Дневной свет сменился первыми сумерками; Эван просидела в полном одиночестве уже несколько часов.

Почти сразу как важная, словно жаба, служанка увела принцессу и странную девицу в мужской одежде и с короткой прической, явился еще один слуга. Заявил, что фрейлейн Эван категорически воспрещается покидать комнату и даже выглядывать за дверь. Он убрался, едва проговорил порученное, и не ответил ни на один из посыпавшихся вопросов искорки.

В течение дня в коридоре за стеной постоянно слышались голоса: слуг, учеников, кого-то из магов. В доме школы кипела жизнь, но только не в комнате новых учениц, двоих из которых увели неведомо зачем, а третья не знала, чем себя занять. Со скуки несколько раз изучила все три платяных шкафа. Нет там ничего, ни единой завалывшейся пуговицы или ниточки.

Вдобавок захотелось пить, и, как назло, еще и в умывальнике нет воды.

— Не так представлялся первый день в академии, — с тоской произнесла Эван.

Мало судьба-злодейка учудила сегодня, так еще и голодом да жаждой морят. А если захочется по нужде? Поглощенная горькими думами Эван не заметила, как снова появилась важная-преважная служанка.

— За вами пришли, — молвила она, задрав нос к потолку.

В комнату вошел знакомый ликтор.

— Герр Патрик! — искренне обрадовалась Эван. Она и в самом деле была рада видеть недавнего знакомца. Может, хоть у него прознает, что здесь и как.

— Идем, — сказал ликтор и как-то странно посмотрел на девушку.

Эван не смогла угадать, *что* в его взоре, но страж арханта темной силы и декана школы был чем-то взволнован — притом что пытался это скрыть.

— Куда мы? — Искорка вскочила с кровати; все что угодно, лишь бы прекратить пытку скукой и неизвестностью.

— Фрау Калиссандра ждет.

Отчего-то стало боязно. Мнилось, что сейчас коленки задрожат. Эван посмотрела в зеркало, будто ища поддержки у собственного отражения; и, дивное дело, успокоилась.

— Твоей наставницей будет сама госпожа декан, — пояснил Патрик. — Это очень почетно.

Девушка вздохнула. Сейчас хотелось не почета, а просто поесть.

— Скажите, герр Патрик, — отважилась Эван, — здесь будут кормить?

— Конечно! — рассмеялся ликтор. — Не понимаю, почему искорок не кормят в первый день.

— Именно потому что они искорки, — подала голос важная служанка, — а снесь расписана только на учениц.

— Вы в этом уверены? — поинтересовался Патрик.

— Я это знаю.

Эван подумалось, что служанка говорит, будто королева. Девушка была недалеко от истины — конечно, в отношении прислуги второго этажа школы. По обыкновению, его именовали ученическим.

— Тогда тем более не станем задерживаться, — сказал ликтор.

Он повел искорку вниз, но не через парадный зал, а к черному выходу. Когда проходили мимо кухни с аппетитными запахами, в животе Эван громко заурчало. К счастью, это никто не услышал. Рядом отчаянно спорили двое слуг, кому из них поутру идти на конюшню.

Но как же Эван голодна! В сию минуту способна целого кося съесть!

Мимо прошли две ученицы. Эван слышала раньше, что при школах академии их держат в строгости, и узнала в двух подружках именно учениц по скромным серым платьям, единственным украшением которых являлась красная полоса на подоле шириной в три пальца.

Девушки были старше года на два. Они дружелюбно улыбнулись и, взглянув на Патрика, принялись оживленно шутиться. А Эван казалось, что обсуждают именно ее, и вовсе не ликтора. Герр Патрик пригрозил доложить кому следует, чем они занимаются, и этим немедленно вызвал новую порцию веселья. Может, они и впрямь не про Эван перешептывались?

Вскоре ликтор и искорка покинули дом школы. Вышли в сад с той стороны здания, которую не видно с улицы. Вокруг все так же чисто и ухожено, мощенная камнем дорожка уходит за деревья. Когда-то в детстве Эван мечтала стать простолюдинкой. Почему это вспомнилось? Девушка пожала плечами, поежилась. Вечерело, начало смеркаться, и потому ощутимо похолодало. Хотелось накинуть на плечи теплый платок из козьей шерсти. Она привезла его с собой. Вместе с другими пожитками должен быть в двуколке отца. Ах, отец...

— Мои вещи! — затараторила Эван. Чтобы выгнать прочь мысли об отце, роде и чести. — Их позволено будет забрать?

— У фрау Калисандры спросишь.

Дом декана, двухэтажный уютный особняк из бурого кирпича, располагался в глубине сада, за ним уже виднелись решетчатый забор и стены домов вне пределов квартала школы темной магии.

Внутри, в гостевом зале, что располагался сразу за входной дверью из дуба, в камине весело потрескивали дрова. Подле огня в кресле, на спинке которого висел красный, в цвет школы, плащ, расположился светловолосый молодой человек. И, кажется, когда Эван и Патрик вошли в дом, он дремал. Однако сразу поднялся, едва герр Патрик переступил порог вслед за девушкой, и заспанным почему-то не выглядел.

— Это Брюс, — представил галантно поклонившегося молодого человека Патрик, — мы оба с Северных островов.

— Рада знакомству, герр Брюс. — Эван присела в реверансе и, набравшись смелости, спросила: — Вы тоже ликтор фрау Калисандры?

— Сударыня, — Брюс поклонился, — вы совершенно правы.

Эван покраснела. У магов всегда один ликтор, то бишь страж, телохранитель, но только у темных, что носят красные плащи, платья и мантии, их обычно двое; и все прекрасно знают, почему так.

Второй ликтор симпатии не вызывал. Какой-то он приторно сладкий, чересчур милый и слишком добрыми глазами на нее смотрит. Высок, отлично сложен, хорош собой, гладко выбрит, в дорогом синем камзоле поверх белой сорочки, черные штаны и натертые до блеска сапоги, тоже черные. На пояском ремне висит кинжал. Меч ликтора был прислонен к креслу рядом.

Нет, не нравится он Эван. Не похож Брюс на ликтора, потому что, в отличие от герра Патрика, не схож с остро заточенным смертоносным оружием. Но вдруг его облик обманчив? Не станет же архант темной силы держать при себе пустышку?..

— Пойдемте, — Брюс взял подсвечник с тремя язычками огня, — я провожу вас.

Он двинулся первым, и получилось, что Эван шла по коридору за ним, а за спиной шествовал герр Патрик. Будто воровку ведут, чтобы не сбежала; либо отчаянную трусиху. Девушка не боялась признаться себе, что в самом деле страшится встречи с деканом школы, потому что неизвестность всегда пугает. Но все вот-вот разрешится. Разговоры и слухи о темных магах, кои в прошлом, бывало, доходили до девушки, вспомнились в сей миг, и Эван порой непроизвольно вздрагивала.

А! Будь что будет! Она уже сделала свой выбор. Пред сотнями и сотнями глаз и под взглядом бедного ее отца. Эван не отступит от заветной мечты. Она станет настоящей волшебницей!

Брюс постучал в дверь и, спустя несколько ударов сердца отворив ее, пригласил Эван. Девушка очутилась в уютном кабинете. Здесь тоже потрескивал очаг, вдоль стен стояли книжные шкафы, они забрали почти все свободное пространство. Лишь напротив окна имелся небольшой диван, скорее даже кресло, потому что двоим на нем было бы тесно. Да прямо впереди за письменным столом с ярко горящими свечами в двух канделябрах и аккуратной стопкой бумаг сидела сама фрау Калиссандра ди Каллис.

Архант темной силы и декан оной школы Академии высокой магии.

Перед волшебницей на белом блюде лежало большое спелое красное яблоко. Проголодавшаяся Эван сначала уставилась на него и лишь затем присела в почтительном поклоне.

— Встань, дитя, — молвила волшебница, — и подойди ближе.

Эван послушно сделала, как было сказано, замерев в двух шагах от стола, и, как подобает высокородной девушке при знакомстве с более знатным, чем она, человеком, потупила очи долу.

Позади послышался звук затворившейся двери. Герр Патрик встал около нее, прислонившись плечом к стене, а Брюс, с явным любопытством поглядывавший на искорку, размес-

тился на диване. Эван разглядывала пол и не могла видеть ликторов, но поняла, где они. Снова подумалось, что Патрик занял свое место так, чтобы искорка не могла убежать.

— Подними взор, дитя.

Эван посмотрела на безвозрастное лицо. Маги жили долго, их путь вполне мог перевалить за два и даже за три столетия; и почти два века волшебники сохраняли молодость. Лик Калисандры ди Каллис мог принадлежать и двадцатипятилетней, и той, чей возраст перевалил за сотню лет.

Волшебница обладала утонченной холодной красотой. Белая кожа, черные брови, серо-зеленые глаза с пронизывающим насквозь взглядом, едва заметные скулы, изящный нос и тонкие губы. Из-под накинутаго на голову капюшона ярко-алого плаща на плечи спадали черные локоны. Под накидкой на волшебнице была белоснежная сорочка с манжетами на рукавах.

— Я называю тебя дитятей в последний раз, — молвила волшебница, и в ее очах мелькнул блеск; по крайней мере, так почудилось Эван, — потому что с завтрашнего дня твоя судьба в стенах академии — это ученическая стезя, а я буду твоей наставницей.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — вдруг усмехнулась фрау Калисандра, отчего растворился зазвучавший было в ее словах пафос, — но благодарить будешь позже.

Эван тоже попыталась улыбнуться, только, видно, улыбка вышла у нее кривой; девушке все еще было неловко и точно не до смеха.

— Ответь, — обратилась к Эван волшебница, — что тебе ведомо о темной магии?

Разврат! Первая мелькнувшая в голове Эван мысль была именно о нем. Растерявшись, девушка не знала, с чего начать.

— Досужие разговоры, — снисходительно улыбнулась волшебница, — вижу в тебе их отзвук.

— Я не...

— Не перебивай наставника и вообще никого из магов! — В глазах декана появился гнев. — Никогда! Ни при каких обстоятельствах не лги, в особенности мне, твоей наставнице. Ты поняла, ученица?

— Да, фрау Калисандра.

— Замечательно, — вновь улыбнулась маг, умиротворилась и довольная откинулась на спинку стула. — Темной нашу шко-

лу прозвали когда-то очень давно, и цвет наших одежд красный, тоже не случайно. В далеком прошлом исток нашей силы таился в магии крови. В человеческих жертвоприношениях. Ты слышала о том?

— Да, — вновь ответствовала Эван.

Рассказы о магии крови были сродни страшным сказкам.

— Темные маги, — продолжила Калиссандра ди Каллис, — это охотники за нечистью и нежитью, а равно за безумцами, которые в гордыне ли, по глупости либо незнанию не смогли учиться в академии, и сила дикой магии свела их с ума. Мы, как ищейки, ловим и отступников, коль находятся такие среди настоящих магов; и, конечно, тех искорок, что бегут от академии.

Все это стоящая перед волшебницей девушка знала и вздрагивала каждый раз, когда маг называла новую грань темной магии. Фрау Калиссандра нарекла отпрысков своей школы ищейками. Нет, не таким магом мечталось стать Эван...

— Мы распутываем самые страшные преступления, что только случаются в Кольце и на островах. Порой мы не только сыщики, нам приходится становиться и судьями и палачами. — Теперь волшебница была задумчива. — Дорога темного много опасней пути остальных магов, даже боевых. Они-то обычно сражаются за порядками латников, а наш бой проистекает в одиночку. Лицом к лицу с врагом или нечистью. С каким-нибудь очередным воплощением абсолютного зла!

Волшебница посмотрела на искорку.

— Ты бледна, — заметила Калиссандра ди Каллис. — Хочешь воды?

— Нет-нет, спасибо.

— Даже некроманты не сталкиваются с тем, чему противостоит темный маг. Да и работают они с поднятыми и мертвыми душами, которые либо их инструмент, либо ведомы чужой злой волей. Мы же сражаемся с кукловодами.

Волшебница вздохнула.

— И погибаем мы, — добавила она, — гораздо чаще, чем остальные. Ты готова стать темной?

Эван ди Рокк охватила дрожь. Она поняла, что ей адресован не просто вопрос. Девушка вновь пред выбором, который определит всю дальнейшую судьбу.

— Да, — решительно заявила она.

— Прекрасно! Я знала, что не ошиблась в тебе. — Довольная волшебница стукнула покрашенными в красный цвет ногтями по столешнице. — Но мы не закончили экскурс в прошлое темной школы. За человеческие жертвоприношения нас всегда и, надо сказать, справедливо проклинали.

Волшебница многозначительно взглянула на девушку.

— Однажды выяснилось, что жизненную силу, столь необходимую для темной магии, можно брать не только через муки и кровь жертв, но и в бурных, неистовых чувствах, что рождаются в близости мужчины и женщины.

Калиссандра ди Каллис поднялась со стула, взяла яблоко и обошла стол. Она вновь улыбалась, на сей раз торжествующе, а у Эван расширились глаза, и она залилась густой краской. Кроме плаща, что свободно лежал на плечах мага, раскрывая ее почти полностью, белой короткой сорочки и туфель с высоким каблуком на волшебнице более ничего надето не было. Девушка увидела голые стройные ноги и бедра.

— Ты красива, — молвила волшебница, от нее веяло приятным ароматом цветочных духов, — это очень важно, потому что темная сила подвластна только женщинам. Еще важнее для будущей темной волшебницы, что ты до сего дня не знала мужчину. Твоим первым... Вернее, твоими первыми будут два твоих собственных ликтора.

Эван ди Рокк вновь покраснела. О, сколько же раз она испытала неловкость в течение этого дня и даже сего разговора!.. Волшебница замерла в шаге от девушки, и показалось, что слышно, как бьется сердце мага. Часто-часто.

— Я твоя наставница. Сейчас я познаю тебя, и мы сотворим узы. Меж мной и тобой. Вместе. — Калиссандра обольстительно улыбнулась ошеломленной искорке. — Покуда продлится твое ученичество, я буду всегда чувствовать тебя, знать о тебе, хорошо или плохо тебе, грозит ли тебе опасность; а ты сможешь чувствовать, где твоя наставница. Через меня ты узнаешь, где мои стражи, а ликторы прознают про угрозу для моей ученицы. Они найдут и выручат тебя! Пока ты не обзаведешься собственными телохранителями.

Волшебница поднесла яблоко к лицу, вдохнула аромат красного спелого плода и протянула его девушке:

— Надкуси! Это нечто новое для тебя. Символ того, что свяжет нас.

— Яблоко?..

— Не бойся!

Эван приняла дар и осторожно укусила яблоко. Воздух в комнате на миг кольхнулся пред глазами девушки. Мгновенно исчез голод. Искорка почувствовала, как закололо в кончиках пальцев, державших яблоко. Это магия! Знакомая волна силы прокатилась по руке и растеклась по всему телу, а потом сила сбежалась в одну точку на груди и упала в низ живота, растворилась.

Девушка ощутила томление внизу, которое порой приходило ночью, перед сном, но что же случится сейчас? С женщиной? Калиссандра ди Каллис потрясающе красива, но она и Эван...

— Идем, — промурлыкала волшебница.

Снова полутемный коридор, и впереди алый плащ темного мага. Зазвучала откуда-то приглушенная ритмичная музыка. Таковую Эван никогда не слышала, в ней главная партия отводилась барабанам. А позади ступали оба ликтора темного мага. Яблоко исчезло.

Скоро оказались в жарко натопленном помещении без окон с влажным воздухом, центральную часть которого занимала наполненная до краев огромная чаша с подогретой водой; от нее исходил пар. Футов тридцать в длину и десять в ширину. Свет давали многочисленные факелы в настенных держателях.

— Не пугайся... — прошептала волшебница.

Полуобернувшись, она остановилась около воды, скинула плащ и принялась за пуговицы на сорочке.

— Что?.. — хриплым голосом произнесла Эван.

Чужие пальцы коснулись плеч и начали их осторожно разминать.

— Не отталкивай его. — Калиссандра оказалась полностью обнажена.

Телом волшебница была под стать богине, таким можно только восхищаться.

— Не отталкивай!

О! Эван и не подумает. Как же у нее затекла шея! Это Патрик, его нежные пальцы. Второй ликтор обошел девушку и, не сводя зора с Калисандры, двинулся к дальнему краю чаши.

Волшебница нырнула в воду, взорвав ее поверхность брызгами. Несколько ударов сердца она плыла над самым дном из цветной мозаики, а затем вынырнула и вернулась к ученице.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Испытание	5
<i>Глава 2.</i> Дом школы	16
<i>Глава 3.</i> Калиссандра ди Каллис	25
<i>Глава 4.</i> Чудовище	34
<i>Глава 5.</i> Проклятие или дар?	43
<i>Глава 6.</i> Первое утро лета	52
<i>Глава 7.</i> Темная школа	62
<i>Глава 8.</i> Первая лекция	71
<i>Глава 9.</i> Безродный	80
<i>Глава 10.</i> Водяной	90
<i>Глава 11.</i> Просыпается	100
<i>Глава 12.</i> После ночи	109
<i>Глава 13.</i> Мара ди Модри	118
<i>Глава 14.</i> Магия воздуха	127
<i>Глава 15.</i> Кровь вместе с силой	135
<i>Глава 16.</i> Долгий день	143
<i>Глава 17.</i> Не видеть и не слышать	152
<i>Глава 18.</i> Совет академии	160
<i>Глава 19.</i> Под землей	169
<i>Глава 20.</i> Мертвецы	178
<i>Глава 21.</i> Чужак	187
<i>Глава 22.</i> Воспоминания	195
<i>Глава 23.</i> Выразить благодарность	203
<i>Глава 24.</i> Узы	211
<i>Глава 25.</i> Ночь вместо дня	220
<i>Глава 26.</i> Черная сила	229
<i>Глава 27.</i> Увидеть солнце	237
<i>Глава 28.</i> Круг	245
<i>Глава 29.</i> Землетрясение	254
<i>Глава 30.</i> Площадь перед Алой башней	264
<i>Эпилог</i>	277